

О. А. Починяева
Самарский государственный социально-педагогический университет

Языковая репрезентация картины мира посредством разделительных конструкций в современном русском языке

Аннотация. В статье рассматриваются условия использования в речи разделительных конструкций, определяется их роль в моделировании картины мира, описывается ее своеобразие; характеризуются экстралингвистические факторы в употреблении конструкций.

Ключевые слова: разделительные конструкции, разделительные союзы, картина мира

O. A. Pochinyaeva
Samara State University of Social Sciences and Education

Linguistic Representation of the Worldview by Means of Disjunctive Constructions in Modern Russian

Abstract. The article considers the conditions for using disjunctive constructions in speech, determines their role in modeling the worldview, describes its uniqueness, and characterizes the extralinguistic factors in the use of constructions.

Keywords: Disjunctive constructions, disjunctive conjunctions, worldview

В современной науке о языке одним из ведущих направлений является антропоцентрический подход к анализу языкового материала, основывающийся на изучении языка в тесной связи с человеком, его сознанием, мышлением. Исследование человеческого фактора в языке открывает новые перспективы при анализе картины мира – одного из «фундаментальных понятий, выражающих специфику человека и его бытия, взаимоотношения его с миром» [7, с. 11].

Термин, обозначаемый как «картина мира», «модель мира», «образ мира», «языковая картина мира», введённый в 30-х годах XX века Лео Вайсгербером, опиравшимся на одну из ключевых позиций Вильгельма фон Гумбольдта, согласно которой язык представляет собой «мир, лежащий между миром внешних явлений и внутренним миром человека» [3, с. 304], не имеет однозначного определения в современной лингвистике.

В трудах ведущих российских лингвистов (Ю. Д. Апресяна, Н. Д. Арутюновой, Г. В. Колшанского, А. Вежбицкой, В. А. Масловой, А. А. Леонтьева, З. Д. Поповой, И. А. Стернина, Ю. Н. Караулова и др.), посвященных проблеме взаимодействия языка и картины мира, дискуссионными остаются вопросы о корректности употребления термина «языковая картина мира» в науке, о соотношении или разграничении понятий «картина мира» и «языковая картина мира», о взаимосвязи языковой

(наивной) и концептуальной (когнитивной, научной) картин мира. Не ставя перед собой задачу рассмотрения спорных моментов, под картиной мира понимаем целостный образ мира, возникающий у человека в ходе всех его контактов и взаимодействий с внешним миром, однако это «не есть простой набор фотографий предметов, процессов, свойств и т.д., ибо включает в себя не просто отраженные объекты, но и позиции отражающего субъекта, его отношение к этим объектам» [5, с. 65]. Язык не просто отражает мир, а фиксирует его осмысленную и интерпретированную человеком версию, включающую субъективные оценки, культурные особенности и личный опыт [4].

Картина мира находит знаковое отображение в системе национального языка с помощью языковых единиц разных уровней. На современном этапе наиболее детально изучен пласт лексико-фразеологических единиц, фиксирующих совокупность знаний о мире; практически неисследованным в этом плане является грамматический строй, в то время как синтаксические единицы языка способны эксплицитно выражать самые разнообразные отношения между предметами, действиями, явлениями окружающего мира.

Цель нашей работы состояла в определении роли разделительных конструкций в моделировании картины мира, в выявлении особенностей ее репрезентации.

Материалом для исследования послужили языковые иллюстрации, извлеченные методом сплошной выборки из текстов устного народного творчества (былин), из произведений классической, советской и современной художественной литературы, в том числе и из фонда Национального корпуса русского языка, – более 10000 конструкций с союзами *или, либо, ли... ли, ли... или, то... то, не то... не то, то ли... то ли*, соединяющими как однородные члены простого предложения, предикативные части сложного предложения, так и самостоятельные предложения в составе сложного синтаксического целого. Опираясь на изоморфизм разноуровневых синтаксических единиц, будем рассматривать выбранные конструкции в одном ряду, характеризуя их семантику и прагматику.

Разделительные конструкции появляются в нашей речи в ситуации выбора. Ситуация «классического выбора» реализуется в диалогической форме общения: – *Вам купить торт или пирожные?* – *Пирожные*. Нередко адресат речи оказывается в условиях ультимативного выбора: *Сожгите меня, или я сама наложу на себя руки* (Д. С. Мережковский. Христос и Антихрист). В устном народном творчестве – в былинах – сцены узнавания и выпрашивания богатыря «вырисовываются» с помощью конструкций с союзом *или* и его вариантами *аль, али, аль, ли*. Узнающий (как правило, царь или князь) перечисляет все возможные, с его точки зрения, варианты «социального статуса» пришедшего гостя. При этом серия вопросов к нему напоминает некую игру, где формулируется ряд альтернативных предположений с постепенным переходом от незнания к знанию: – *Да ай же ты, удалый добрый молодец! Не знаем мы тебе да ни имени, Не знаем мы*

тебе ни изотчины. Царь ли ты есть ли, царевич здесь? Али король ты да ведь королевич есть? Али с тиха Дона ты донской казак? Али грозный есть посол ляховитский? (Добрыня Никитич и Алеша Попович).

Значение «категорического» взаимоисключения (альтернативно-определенное: ‘если не первое, то обязательно второе, и наоборот’), отображающее «крайности бытия», когда вербализуются ситуации, несовместимые, исключают друг друга из общего плана реализации (*Или я убью его, или он попадет мне в голову, в локоть, в коленку* (Л. Н. Толстой. Война и мир), является одним из основных значений разделительных конструкций [6, с. 102] и реализуется в полной мере в русских пословицах и поговорках с разделительными союзами: *Или пан, или пропал; Или грудь в крестах, или голова в кустах; Или (либо) сена клоч, или (либо) вилы в бок; Или полон двор, или с корнем вон; Или (либо) в стремя ногой, или (либо) в пень головой; Либо рыбку съест, либо на мель сесть*. Значимость союза в выражении категориального значения разделительности подтверждают найденные нами структуры, в которых вся нагрузка в экспликации значения альтернативы «ложится» только на повторяющийся союз: *Я – яд! Берегись! Или... Или!* (А. И. Солженицын. Раковый корпус).

Восприятие той или иной ситуации, того или иного объекта находится в прямой зависимости от субъекта восприятия, от его фоновых знаний, опыта, ожиданий. В процессе конструирования мира, каким бы субъективным он ни был, неизбежно приходится опираться на различные объективные аспекты ситуации, реальное положение дел в мире. Под внешнеязыковой (денотативной) ситуацией понимаем фрагмент действительности (денотат), вычлененный из ряда других объектов или событий и существующий независимо от отражающего его сознания, который далее подвергается осмыслению и кодированию в языковую форму – предложение» [1, с. 20]. Специфика семантической структуры (денотативного аспекта значения) разделительных конструкций заключается в том, что в них, в отличие от соединительных и противительных конструкций, где репрезентируются две и более денотативные ситуации (*По дороге медленно шли беженцы и тихо ехали телеги с ранеными; По дороге медленно шли беженцы, а телеги с ранеными тихо ехали*), объектом внимания говорящего является одна денотативная ситуация вообще или в определенное время: [*В ночной тишине были слышны едва различимые звуки*]. *Вероятно, по дороге медленно шли беженцы или тихо ехали телеги с ранеными // Весь день по дороге шли беженцы или тихо ехали телеги с ранеными*.

Чаще всего мы используем в речи конструкции с разделительными союзами при альтернативном взгляде на мир, когда возникают трудности в понимании ситуации, в идентификации предметов, их характеристике, обусловленные отсутствием у человека полной и точной информации (визуальной, аудиальной, сенсорной, интеллектуальной) об отражаемой им ситуации. Когда интерпретация происходящего затруднена, человеку

приходится оперировать образами гипотетических событий, поэтому он представляет не одну, а две или более пропозиции (под пропозициями вслед за Н. Д. Арутюновой мы понимаем ментальные модели реального факта, возникающие в сознании человека и затем воплощающиеся в языковую форму [2]), то есть разделительные конструкции представляют собой полипропозициональный комплекс (логико-семантический аспект значения). При этом, выдвигая предположения, реципиент понимает, что релевантным денотату может быть содержание, во-первых, лишь одной из пропозиций, во-вторых, в равной степени любой.

Колебания говорящего в обозначении денотативной ситуации, обуславливающие предположительный характер перечисляемых альтернативных вариантов, могут быть вызваны: 1) незнанием фактов, истинного положения дел: *Отец его не то расстрелян, не то умер в лагере...* (В. Гроссман. Жизнь и судьба); 2) трудностью интерпретации поведения, внутреннего состояния, характера или описания социального статуса, национальности другого человека, который оказывается в поле зрения автора речи: *Он даже зажмурился, — то ли от внезапной рези в глазах, то ли хотелось избавиться от этой мучительной мысли* (В. Гроссман. Жизнь и судьба); *В Цезаре всех наций намешано: не то он грек, не то еврей, не то цыган — не поймешь* (А. Солженицын. Один день Ивана Денисовича); 3) сложностью понимания и объяснения собственных ощущений: *Чего-то хотелось: не то конституции, не то севрюжины с хреном, не то взять бы да ободрать кого-нибудь* (М. Е. Салтыков-Щедрин. Книга о праздношатающихся); 4) нечеткостью зрительного восприятия и / или сложностью квалификации видимого предмета: *<...> ему видно стало в углу Аксинью и что-то, чего он разобрать не мог: армяк ли сын забыл, или кадушку бабы поставили, или стоит кто-то* (Л. Н. Толстой. Поликушка); 5) нечеткостью слухового восприятия, сложностью распознавания звука и определения его источника: *То ли дух, то ли голубь захлопал крылами в туман То ли кот, то ль младенец тихонечко плакал вдали* (М. Москалева. Ему); 6) нечеткостью обоняния, неспособностью точно идентифицировать запах: *Горячий квас отдавал не то соляжкой, не то паленой резиной* (И. Грекова. На испытаниях); 7) неопределенностью осязания: *То ли шелест колоса, Трепет ветерка, То ли гладит волосы Теплая рука* (А. Сурков. Песня о солдатской матери); 8) нечеткостью вкуса: *почти черный херес <...> отзывался не то медью, не то канифолью* (И. С. Тургенев. Отцы и дети).

В случае же, когда говорящий отражает несколько реальных ситуаций, реализующихся в разное время (*Только изредка на канавках позвякивали орудия, или ржала лошадь, или хриплым голосом кричал начальник*) (Л. Н. Толстой. Хаджи-Мурат), в различных местах (*То тут, то там изредка шалфей сизеет или мелкий полынь и чабрец пестрит белизну*) (Н. С. Лесков. Очарованный странник) или разными субъектами, вместе составляющими одну группу (*Мокрые подводчики с грязными ногами, вялые и сонные, как осенние мухи, бродили возле или сидели на оглоблях*) (А. П. Чехов. Степь),

дизъюнкция заключается в разделении пропозиций по времени, месту осуществления событий или между отдельными подгруппами некой общей группы.

В художественных текстах нередко с помощью разделительных структур создается объемная мозаичная картина, позволяющая не столько соединить равновероятные, исключаящие друг друга признаки, сколько создать нечто целое – единый разделительный блок, отображающий ту или иную ситуацию или характеризующий то или иное лицо или предмет во всем многообразии их проявлений. Так, в поэме А.С. Пушкина разделительные ряды позволяют воссоздать нравы, обычаи, занятия горцев: *Но там, среди уединенья Долин, таящихся в горах, Гнездятся и балкар, и бах, И абазех, и камуцинец, И корбулак, и албазинец, И чечереец, и шапсук. Пищаль, кольчуга, сабля, лук И конь, соратник быстроногий — Их и сокровища и боги; Как серны скачут по горам, Бросают смерть из-за утеса; Или по топким берегам, В траве высокой в чаще леса Рассыпавшись, добычи ждут; <...>Иль хвалят меткие пищали, Из коих деда их стреляли; Иль сабли на кремнях острят, Готовясь на убийства новы* (А. С. Пушкин. Кавказский пленник).

Таким образом, прагматическая ценность разделительных конструкций в моделировании картины мира заключается в том, что с их помощью реализуется коммуникативная потребность выразить альтернативные способы представления той или иной ситуации.

Список литературы

1. Актуализация предложения. Т. 1. Категории и механизмы: коллективная монография / В. В. Бурлакова, А. И. Варшавская, П. Джоунс и др. СПб. : Изд-во СПбГУ, 1997. 236 с.
2. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл (логико-семантические проблемы). М. : Едиториал УРСС, 2002. 384 с.
3. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. Пер. с нем. Г. В. Рамишвили. М. : Прогресс, 1984. 398 с.
4. Кубрякова Е. С. Языковая картина мира как особый способ репрезентации образа мира в сознании человека // Вестник Чувашского государственного педагогического университета имени И. Я. Яковлева. 2003. № 4 (38). С. 2–12.
5. Маслова В. А. Когнитивная лингвистика. Минск : ТетраСистемс, 2008. 266 с.
6. Починяева О. А. Разделительные конструкции в славянских языках // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 5. С. 99–106. DOI: 10.15393Zuchz.art.2023.925.
7. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б. А. Серебренников, Е. С. Кубрякова, В. И. Постовалова и др. М. : Наука, 1988. 216 с.